

Обращения граждан в большевистские органы власти как источник по проблеме конфискации имущества (1918-1920 гг.)

Изучить масштабный процесс изъятия частновладельческого имущества, инспирированный большевиками в первые послеоктябрьские годы, – значит не только воссоздать историческую картину прошлого, выявить типологию и динамику антисобственнических мероприятий, но и, что не менее важно, проанализировать психологический аспект проблемы, рассмотрев *восприятие* населением имущественных катаклизмов 1918-1920 гг. и тем самым определив их глубинные предпосылки.

Источниковая база. Рассмотрение проблемы в ее историко-психологическом аспекте требует использования особого круга источников, среди которых на первый план выступают документы личного происхождения.

Ценный ресурс сведений о восприятии реквизиционных акций большевиков хранят в себе воспоминания и дневники очевидцев¹, однако следует учесть, что такие источники создавались за небольшим исключением лишь отдельными представителями образованного класса.

Взгляд на события и явления со стороны более широкой “социальной базы” содержат личные письма, однако и они не могут стать основой разработки изучаемой проблемы, так как почти полностью отсутствуют в государственных архивохранилищах². Следовательно, для того чтобы охарактеризовать отношение “человека революции” к имущественным мероприятиям большевистской власти, необходимо получить максимум данных из более доступного источника – обращений, именуемых заявлениями, прошениями, просьбами, жалобами.

В настоящее время под *заявлением* понимается документ, автор которого сообщает о недостатках в работе государственных органов, а жалоба, соответственно, связана с нарушением прав и свобод индивида³. Что же касается изучаемого периода, указанные понятия тогда почти не дифференцировались. К родственным типам интересующих нас документов личного происхождения относятся свидетельские показания посторонних лиц, усмотревших несправедливости в ходе конфискации, а также доносы на тех, кто приобретал или хранил имущество незаконно.

Обращения частных лиц в большевистские государственные структуры хотя и сохранились в архивах, однако представлены там далеко не полностью и зачастую во фрагментированном виде. О комплексном использовании этого источника можно вести речь лишь тогда, когда подобного рода документы образуют самостоятельную единицу хранения, как, например:

Государственный архив Белгородской области. ф.Р-520 (Корочанское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции). оп.1, дд. 5, 12, 17; ф.Р-521 (Новооскольское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции). оп.1, д.6.

Государственный архив Воронежской области. ф.Р-19 (Воронежский губернский земельный отдел). оп.1, д.10 (переписка с волостными земотделами о конфискации земли);

Государственный архив Тверской области. ф.Р-291 (Тверской губернский Исполнительный комитет). оп.1, д.84 (переписка о сборе теплых вещей); там же, д.86 (прошения торговцев о списании с них контрибуции).

Преимущество материалов, хранящихся в систематизированном виде, состоит в возможности проведения количественного анализа, однако меньшую ценность представляют отдельные прошения и жалобы, выпавшие из системы, так как и форма, и содержание этих исторических свидетельств тоже отражают общие закономерности событий 1918-1920 гг.

При исследовании обращений граждан невозможно обойтись без обработки сопутствующих документов, среди которых выделим 1) прилагаемые справки, удостоверения (например, удостоверение о бедности), описи конфискованных вещей; 2) переписку контролирующих организаций с учреждениями, на которые подана жалоба; 3) протоколы первичного и повторного рассмотрения дела; 4) ответные сообщения, направляемые просителю контролирующей организацией.

История вопроса. В настоящий момент исследование "писем во власть" находится на начальной стадии. Документальные массивы прошений и жалоб, созданные в 1918-1920 гг., обрабатываются лишь некоторыми историками и социологами. Серьезный анализ сводных данных о численности, характере жалоб, социальной принадлежности жалобщиков на материале Народного комиссариата государственного контроля произведен Е.Г. Гимпельсоном⁴. Отметим также попытку осмысления обращений граждан как формы народного творчества, принятую И.Б. Орловым и А.Я. Лившиным⁵. Примечательно, что в 1997 г. появилась первая объемная публикация документов рассматриваемого типа – сборник "Голос народа"⁶.

Существует ряд исследований психологии российского крестьянства, определившей его позицию в послеоктябрьские годы. Среди монографий советского времени глубиной исследовательского подхода отличается работа О.И. Зотовой, В.В. Новикова, Е.В. Шорохова⁷. Несомненную ценность представляют собой сборники материалов всероссийских научных конференций "Революция и человек: Социально-психологический аспект"⁸ и "Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль"⁹ под редакцией П.В. Волобуева, в которых предлагаются новые подходы к данной проблематике, разработанные такими известными отечественными историками, как В.П. Булдаков, В.В. Журавлев, В.В. Кабанов, В.В. Канищев, Л.А. Обухов.

Проблема менталитета и обусловленного им политического поведения крестьян затрагивается, в частности, в статьях О.Ю. Яхшияна¹⁰ и С.В. Ярова¹¹. Влияние природно-климатических факторов на русское

национальное сознание детально анализируют Л.В. Милов¹², Б.Н. Миронов и др. Результаты тщательного исследования особенностей сознания наших соотечественников опубликованы в книге "Ментальность россиян"¹³. Ключевому понятию «социальная история» посвящена монография Л. Холмса¹⁴.

***

Согласно данным Е.Г. Гимпельсона, реквизиции и конфискации имущества, производимые в первые послеоктябрьские годы, вызывали наибольшее количество жалоб. В 1918 и 1920 гг. численность обращений граждан в органы власти по такому поводу составляла соответственно 7528 и 14040 единиц (28, 4% и 29, 1% от общей массы жалоб). Среди государственных органов, функционирование которых вызывало наиболее сильное недовольство, особенно выделялись Чрезвычайные комиссии¹⁵.

К концу периода 1918-1920 гг. жертвой конфискационных мероприятий мог оказаться любой житель Советской Республики, так как имущество изымалось не только в качестве наказания за правонарушение, но чаще во имя удовлетворения потребности государства в том или ином предмете, которая могла быть как насущной, так и реализуемой исключительно в целях пополнения фонда "социалистической собственности".

Социальной группой, лидирующей в деле подачи жалоб, являлось крестьянство, чьи заявления составили в 1919 г 17, 2% и в 1920 г. – 30, 4%, в то время как фабриканты и промышленники были в эти годы авторами всего лишь соответственно 1, 2% и 0, 3% заявлений¹⁶. Кстати, исходя из наших данных, жалобы представителей социальных групп, к которым большевики относились враждебно, не менее объективно отражает восприятие конфискационных актов, несмотря на отсутствие у "классового врага" даже малейшей возможности восстановить справедливость легальным путем.

Данные о восприятии новых имущественных отношений государственными служащими можно также почерпнуть из ведомственной документации, рассматривая ее под несколько иным углом зрения: в таком случае важен не сам отраженный в источнике исторический факт, а логика рассуждений, избранная автором документа. 11 июля 1919 г. Грайворонский ревком постановил: "Отобранную у Золотарева лошадь оставить пока при ревкоме и по надобности в таковой возвратить Золотареву"¹⁷.

Подача прошения являлась единственной приемлемой большевиками формой социального протеста, хотя в рассматриваемый период имели место забастовки рабочих¹⁸ и тем более крестьянские выступления. Еще в 1913 г. В.М. Гессен замечал: "У надзаконной власти подданный может просить милости, а не требовать права. Против незаконных

распоряжений власти у него имеется только одно средство защиты – жалоба по начальству, а не судебный иск”¹⁹.

Правовая основа обращений граждан была обозначена постановлением IV Всероссийского чрезвычайного Съезда Советов от 8 ноября 1918 г. “О точном соблюдении законности”. Центральная власть обязывала местные Исполкомы выдавать частным лицам, желающим обжаловать действия советских служащих, краткий протокол, который бы содержал описание сущности дела, а также место, время, название учреждения и фамилии должностных лиц. Следующий шаг в этом ключе – издание 30 декабря 1918 г. Декрета СНК об устранении волокиты – определял, в какие структуры предназначалось подавать жалобы. Законодательным актом от 9 апреля 1919 г. наблюдение за организацией приема жалоб вошло в обязанность Госконтроля²⁰.

Структура типичного заявления частного лица о возврате отобранного имущества включает следующие элементы: 1) описание обыска или конфискаций имущества иным способом, побудивших гражданина обратиться к властям в поисках защиты; 2) упоминание об обстоятельствах, допускающих, по мнению заявителя, возможность пересмотра дела; 3) содержание просьбы (указывается, как поступить с изъятым имуществом).

Придерживаться именно такой структуры требовала цель, которую заявитель перед собою ставил. Это, однако, не означало наличия формализма при написании прошений. Поскольку значительная часть населения была неграмотной, в стиль жалоб прочно входили элементы разговорной речи. В итоге официальным документам становилось присуще глубоко личное, откровенное, а то и абсурдное начало²¹. И.Б. Орлов и А.Я. Лившин называют обращения граждан “дискурсивно-коммуникативным средством”. Авторы видят причину наполнения “писем во власть” избыточной, на первый взгляд, информацией в желании пострадавших выделиться из безликой массы. “Генетически заложенное стремление человека к сохранению своего «Я», а следовательно, к свободе, начинает проявляться по-новому, частично очищаться от материального эгалитаризма²². Иными словами, просители, стремясь быть услышанными, пробовали превратить свои заявления из монолога в “односторонний” диалог.

Попытаемся определить, каким образом каждый из структурных элементов обращений граждан отражает реалии бытия – процесса изъятия имущества – и особенности сознания действующих лиц.

“Письма во власть” содержат указание на время и место произведенного акта изъятия имущества, а также упоминание фамилий должностных лиц – как инициаторов, так и исполнителей конфискационной меры. Эти сведения могут оказаться полезными при составлении базы данных по изучаемой проблеме, в случае когда соответствующие официальные документы не сохранились или же вовсе не были созданы. Другой интересный момент – опись отобранного имущества. Сравнение

перечня предметов, значащихся в протоколе обыска и в жалобе, раскрывает отношение к вещам частных и должностных лиц²³.

Не менее важно изучать и то, как сам заявитель понимал мотивы изъятия у него той или иной вещи. Представителям власти крайне сложно было убедить граждан, что для конфискации имущества вовсе не требуется наличие вины, а достаточно лишь осознанной потребности в нем со стороны государственных структур. М.Д. Клепикова (г. Новый Оскол), у которой был забран письменный стол, указывает власть имущим: "Я не совершала никакого преступления, за которое можно было бы подвергнуть конфискации мое имущество"²⁴. Е.П. Солодовников (с. Журавка) спрашивает служащих Корочанской уездной рабоче-крестьянской инспекции, "имеет ли законное право волостной земотдел Радьковского Исполкома отобрать с уравнильной целью принадлежащие мне постройки: дом и амбар"²⁵. Пожалуй, наиболее острую реакцию населения вызывала конфискация имущества у граждан, дети которых оказались дезертирами. По словам жительницы с. Яблонова М.Д. Чекрычиной, ей было объяснено, что "отбирают имущество потому, что сын мой Роман Чекрычин дезертир". "Мои заявления, – продолжает просительница, – что сын мой месяц тому назад взят был на службу в Красную Армию и где теперь находится мне неизвестно оставлены без внимания"²⁶. В аналогичной ситуации оказался, в частности, В.Е. Егоров (сл. Большая Халань): "Я не отрицаю что мои родственники именно дети мои у белых, но причем то я старик 75 лет который ведет сидячий образ жизни благодаря своей немощи"²⁷. А.П. Шопина выражает неприятие подобного мотива конфискационной меры более резко: "не признавая за собой вины, [прошу провести расследование по делу]"²⁸.

Помимо обоснования акта изъятия имущества в отдельных заявлениях описываются детали, непосредственно связанные с его реализацией. Так, жительница г. Нового Оскола¹ А.А. Шевцова сетует: комиссар финансов Лемешко, "угрожая мне 55-ти летней женщине револьвером, реквизирует у меня следующие вещи" [далее приводится перечень отобранных предметов]²⁹.

Для того чтобы доказать несправедливость коснувшейся их реквизиционной акции, граждане указывали на целый ряд обстоятельств. Традиция составления текстов этого "жанра" требовала ссылки на законность. Братья Клименко, обращаясь 20 марта 1920 г. в уездный отдел Государственного контроля, просили "об отмене упродкомом от реквизиции нашей одной коровы, так как мы имеем только по одной корове и согласно декрета одна корова имеющая[ся] на дворе освобождается от реквизиции"³⁰; "Насколько мне по старой моей памяти помнится то в РСФСР есть закон народный, где говорится, что каждый от-

¹ Все упоминаемые в статье города и местечки, за исключением г. Воронежа, находились в составе Курской губернии (ныне – территория Белгородской области).

вечает только за себя, [а не за детей-дезертиров]", – указывает В.Е. Егоров³¹.

Изучив реакцию на жалобы контролирующей организации, мы можем определить, насколько существенным было для властей соблюдение определенного декрета. Действительно, уповать исключительно на правосудие представлялось явно недостаточным, традиция здесь уже не срабатывала. В условиях "революционной законности" местным властям была дана свобода отступать от издаваемых Центром декретов, лишь бы не нарушались идеологические догмы, такие, как классовый принцип. Граждане не могли не чувствовать изменившуюся роль права в обществе, в силу чего им приходилось дополнять прошения другими доказательствами правоты. В итоге стали появляться ссылки на собственное понимание справедливости – надправовой категории, которое в целом соответствовало общепринятым моральным нормам. Житель сл. Погореловки Е.И. Косухин, чье большое семейство осталось без приобретенного недавно второго дома, находит несправедливым следующее: "Лишившись хозяйства своего на покупку дома, крайне обидно... лишиться купленного дома"³². Владелец новооскольской типографии А.С. Занин, обложенный в сентябре 1918 г. штрафом в размере 5000 рублей за "печатание противусоветских объявлений", оправдывает себя необходимостью подчиняться приказаниям четырех вооруженных лиц, причем объявленная кара квалифицируется им как "насилие над собой"³³.

Безусловно справедливой представлялась гражданам их забота о семейном благополучии, задача сохранения которого звучит лейтмотивом почти всех прошений. С.М. Медведев (с. Соколовка) заявляет: "Находя себя крайне обиженным со стороны [председателя Комитета по борьбе с дезертирством] т. Косенко, так как у меня большое [семейство] 11 душ, – не отказать вручить мне отобранную у меня лошадь – кобылу темно-серой масти с упряжью"³⁴. В жалобе священника слободы Ново-Масловки А. Горожанкина говорится, что другой церковнослужитель – член продкома "постарался, как имеющий власть, наказать меня реквизицией коровы, лишив таким образом моих малолетних детей самого необходимого – молока"³⁵.

В сфере имущественных отношений первых послеоктябрьских лет окончательно закрепился приоритет ценности труда над ценностью собственности как *rudum jus*, потенциально свойственный общинной традиции и русскому менталитету в целом. В прошении новооскольского столяра И.Н. Ковалева о возврате двадцати ящиков гвоздей имеется приписка: "Документы что я занимаюсь честным трудом столяра и содержу семью брата из 4 душ красноармейца в случае надобности представлю"³⁶. П.Ф. Стефановский (с. Сетное), лишившийся дома и сада, подчеркивает: "Таковое [имущество] было приобретено личными своими трудами"³⁷.

В то же самое время труд промышленника, предполагающий *прибавочный продукт*, стал восприниматься как грех, от которого заявителе-

ли всячески открещивались. “Я считаю себя обиженным против своих товарищей притом я тканей никогда не производил и не производжу”, – с гордостью утверждал делопроизводитель Новооскольского земельного отдела В.Х. Будченко, обделенный при выдаче мануфактуры³⁸. Такая позиция, кстати, вполне соответствовала задачам большевистской власти. В 1919 г. на IV губернской конференции РКП (б) (г. Воронеж) делегат Смирнов так определил генеральную линию партии: “Подчинение мелких хозяйств советскому контролю, ослабление собственнической идеологии, большая пролетаризация деревни – вот пути к коммунистическому производству”³⁹.

В обращениях, написанных в 1918-1920 гг., зафиксирован такой негативный процесс, как формирование позитивного(!) представления о бедности. Отсутствие крупных богатств стало почитаться как своего рода заслуга. Крестьяне хутора Петровского заявляли: “Члены... Новооскольского уездного Совета, не признав нашей бедности, отбирают от нас разный скот данный нам скот Петровским обществом как беднейшим и неимущим...” Просьба восстановить справедливость подкреплялась тем, что “мы Гражданки хутора Петровского бедные и лишенные своих мужей убитыми в русско-германской войне имеем у себя сирот что отражается для нас и наших сирот явная и несомненная гибель что и приходится переносить нам крепкую и непереносную нужду”⁴⁰. А.М. Бакулин (с. Палатовка) надеялся получить обратно отобранную лошадь, “так как рабоче Крестьянская власть защитница бедных”⁴¹. Повидимому, в среде государственного аппарата не имелось даже малейшего представления о разрушительной роли идеализации бедности. В народной же среде мысль, выраженная пословицей *От трудов праведных не наживешь палат каменных* вновь обрела актуальность.

Другим следствием “аксиологической революции”, также отразившимся в содержании “писем во власть”, стала зависимость оценки человека по моральному критерию не от нравственных качеств, как это было всегда, а исключительно в силу его социального происхождения⁴². Если объективную возможность расстаться со своим богатством имели все, то принадлежность к “эксплуататорским слоям” было клеймом на всю жизнь. О.Я. Бакулина (г. Новый Оскол) доказывает: имущество “было забрано совершенно несправедливо, и это видно из того, что я вовсе не принадлежу к числу буржуазного класса, т.к. ранее принадлежала к мещанскому сословию по профессии занимающаяся мелочной торговлей”⁴³. Тот же А.С. Занин настаивает: “Но прошу не считать меня врагом народа, т[ак] к[ак] я сын крестьянина, мастеровой и всегда шел и иду в ногу с народом”⁴⁴. Любопытна самоидентификация Д.К. Коломшина (сл. Великомихайловка) – автора следующего заявления: “Товарищи Совет Солдат[ских] Рабочих и Крестьянск[их] депутат!!! Я солдат и Пролетариат. Обращаюсь к Вам и прошу защиты”⁴⁵. Включение в жалобу подобных сентенций было вызвано желанием обывателей приспособиться к текущему политическому моменту. В 1923 г. эмигрант Д.С. Пасманик на страницах “Дневника контрреволюционера”

полемизировал с теми, кто надеялся на провал дела большевиков: "Мой скептицизм оправдывается моей глубокой верой в огромную силу приспособляемости людей вообще, а русского народа вообще ко всяческим условиям"⁴⁶. Наиболее зримым выражением этой особенности стала подчеркиваемая в части жалоб политическая благонадежность. Свою изначальную лояльность к власти просители доказывали отсутствием симпатии к противникам большевиков, выполнением всех указаний государственных структур, службой своих родственников в Красной Армии. "Являясь советской работницей во время пребывания белых в районе Корочанского уезда, [я] никакого соучастия к таковым не имела", – подытоживает свое заявление Е.П. Солодовникова⁴⁷. Житель с. Ивановская Лисица Д.В. Шабельский пытается убедить членов Грайворонской уездной ЧК: "...Говоря о власти я всегда таковой подчинялся и никогда таковой ни в чем не противоречил"⁴⁸.

Вот как рассказывает о своих заслугах А.С. Занин: "Раньше я служил в Народной армии и был избран ротным, затем батальонным комиссаром, пользовался доверием народа, был арестован за признание власти Ленина от какого [т.е. ареста – К.Х.] был освобожден солдатами своей роты, состоял членом Исполкома и своего ротного [1 сл. нрзб.]. Прошу хотя за прежнюю службу народу разложить [штраф] на несколько месяцев"⁴⁹.

Вряд ли те, кто пострадал от конфискационных мероприятий, искренне выражали в адрес большевиков теплые чувства, однако необходимость постоянного доказательства благонадежности не могла не оставлять в сознании индивида отпечатков позитивного отношения к власти, тем более когда использование в языке жалоб "умилостивительных конструкций" давало реальные результаты.

По словам В.П. Булдакова, важно "отчетливо представлять, какой свой пафос привносят массы в поддерживаемый "чужой" идейный соблазн". Взаимодействие идеологом с традиционными ценностными установками – поле деятельности социокультурной истории⁵⁰ – требует пристально изучения, и в этом плане жалобы, как мы видим, незаменимый источник информации.

Некоторые заявители, включая в текст жалобы большевистские идеологемы, пытались не столько продемонстрировать свою лояльность, сколько выстроить логическое доказательство необходимости возврата имущества. Автор следующего документа (правда, не частное лицо, а представитель общественной организации) демонстрирует смекалку – характерную черту русского менталитета: "В виду того, что взятый экипаж принадлежит [городскому] Союзу, существующему для широкой народной пользы и созданному на чисто народные средства, Союз просит Губревком не отказать принять все возможные меры к возвращению Союзу отобранного у него экипажа, составляющего народное достояние и необходимого самому Союзу"⁵¹.

Рассматривая изложение гражданами обстоятельств, позволяющих требовать пересмотра дела об изъятии имущества, отметим, нако-

нец, то, что просители пытались доказать ошибочность лишь единичного, коснувшегося только одной семьи акта конфискации, а это объективно подразумевало признание законности общей волны конфискационных мероприятий, что в свою очередь делало их закономерными.

Заключительной частью анализа жалобы является исследование состава просьбы. Требование вернуть изъятые вещи сполна содержит далеко не все заявления, а лишь те, авторы которых либо впервые столкнулись с конфискационной политикой, либо имели избыток самоуверенности в силу высокого общественного положения или социального происхождения. В то же время состав просьбы отдельных "писем во власть" как нельзя лучше демонстрирует попытки превратить монолог в диалог. Д.В. Шабельский, заключенный на месяц в тюрьму за укрывательство излишков хлеба, просит "найти возможным уменьшить мне мое наказание или в крайнем случае заменить таковое денежным штрафом"⁵². Обращает на себя внимание структура документа, написанного Н.В. Романенковой (сл. Великомихайловка), у которой были изъяты продовольственные запасы. В начале прошения содержится требование о возврате всего имущества; далее просматривается склонность заявительницы к компромиссу – она уже ограничивается просьбой снабдить семейство одними лишь жизненно необходимыми продуктами. Однако вера Н.В. Романенковой в положительный исход дела настолько слаба, что в конечном итоге она сводит суть просьбы к пожеланию: "...Прошу прислать мне объявление и указать куда именно по крайней мере употреблено... мое имущество"⁵³.

Вообще забота о судьбе изъятых вещей даже без надежды хозяев на их возврат – явление феноменальное, требующего специального анализа. Готовность граждан, пострадавших от лавины реквизиций и конфискаций, идти на компромисс, соглашаться на минимум благ ради того, чтобы не остаться без последних средств к жизни было следствием преднамеренного создания большевистской властью экзистенциальной ситуации, когда многоплановые человеческие потребности сводились лишь к одной – сохранить свое бытие. При такой установке власть считала себя избавленной от вероятности массового сопротивления.

Итак, мы видим, насколько ценную информацию о деталях процесса изъятия имущества и, что важнее, реакции населения на действия должностных лиц можно почерпнуть, работая с обращениями граждан. Исследование данного типа документов может быть углублено путем использования количественных методов, в частности, контент-анализа.

Примечания

1. См. напр.: Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914-1918. – Paris: YMCA-Press, 1986. – 302 с.; Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста,

- исследование и комментарий Б.И. Осипова. – Омск. Изд-во ОмГУ, 1995. – 176 с.
2. В ходе работы над документами нам встретилось лишь несколько меморандумов ЧК, содержащих фрагменты из переписки граждан (Государственный архив Курской области, ф.Р-325, оп.2, д.1, л.2, 7, 18 и др.).
  3. Емышёва Е.М., Мосягина О.В. Законодательно-нормативные акты о работе с обращениями граждан // Секретарское дело, 1997, № 1. – С.99-105.
  4. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 198 с.
  5. Орлов И.Б., Лившин А.Я. Социологический анализ "писем во власть" (1917-1927-е годы) // Социс. 1999, № 2. – С.79-67.
  6. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. /Отв. ред. А.К.Соколов. – М.: РОССПЭН. 1997. – 328 с.
  7. Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). – М.: Наука, 1983. – 168 с.
  8. Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996.
  9. Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997.
  10. Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.92-105.
  11. Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к "военному коммунизму" (по материалам северо-западной России) // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. – СПб., 1995. – С.49-77.
  12. Милов Л.В. Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.
  13. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общей ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – 478 с.
  14. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Пер. с англ. / Отв. ред. А.В.Лубский, В.Н.Рябцев. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1994. – 140 с.
  15. Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. – С.174-175.
  16. Там же.
  17. Государственный архив Белгородской области (ГАБО), ф. Р-381, оп.1, д.2, л.31.
  18. См.: Брилль Г.Г. Генезис социального конфликта в России (1917- начало 30-х гг.). – Кострома, Изд-во КГТУ, 1998. – С.14-15.
  19. Гессен В.М. Теория правового государства. Статья из сборника "Правовой строй современных государств". – Слб., 1907. – С.7.
  20. Елистратов А. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право, 1922, № 1. – С. 128-129.
  21. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.
  22. Орлов И.Б., Лившин А.Я. Указ. соч. – С.79, 84.
  23. См.: Харченко К.В. Отношения «человек-вещь» в архивных материалах 1918-1921 гг. // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13-15 октября 1998 г. – Вологда: Русь, 1998. – С.129-130.
  24. ГАБО, ф. Р-528, оп.1, д.115. Непрономерованный лист между лл. 29 и 30. 1 марта 1920 г.
  25. Там же, ф. Р-520, оп.1, д.12, л.21. 7 мая 1920 г.
  26. Там же, л.54-54 об. 3 августа 1920 г.
  27. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.115, л.89.

28. Там же, ф. Р-520, оп.1, д.12, л.148. Август 1920 г.
29. Там же, ф. Р- 528, оп.1, д.9, л.78.
30. Там же, ф. Р-521, оп.1, д.6, л.29 об.
31. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.115, л.89.
32. Там же, ф. Р-520, оп.1, д.12, л.1.
33. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.13, л.45. 27 сентября 1918 г.
34. Там же, ф. Р-520, оп.1, д.12, л.49. Получено 24 июня 1920 г.
35. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.9, л.34-34 об.
36. Там же, ф. Р-521, оп.1, д.6, л.3.
37. Там же, ф. Р-520, оп.1, д.17, л.2.
38. Там же, ф. Р-521, оп.1, д.6, л.64.
39. Центр документации новейшей истории Воронежской области, ф.1, оп.1, д.57, л.23.
40. ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.46. 25 марта 1918 г.
41. Там же, д.113, л.44. 20 июля 1920 г.
42. Доводы о непричастности к зажиточному хозяйству, торговле и спекуляции, эксплуатации чужого труда приводились, по словам авторов предисловия к следующему сборнику, в большинстве изученных ими жалоб. См.: Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Маздур и др.; Отв. ред. Т.И.Славко. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. – С.8.
43. ГАБО, ф. Р-521, оп.1, д.6, л.85. 31 января 1920 г.
44. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.13, л.45. 27 сентября 1918 г.
45. Там же, д.9, л.28. 27 декабря 1917 г.
46. Дневник контрреволюционера (Непериодическое издание) / Ред. – издатель Д.С. Пасманик. – Париж, 1923. – С.8.
47. ГАБО, ф. Р-520, оп.1, д.12, л.21 об.
48. Там же, ф. Р-386, оп.1, д.12, л.51. Март 1919 г.
49. Там же, ф. Р-528, оп.1, д.13, л.45.
50. Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории – Казань: Изд-во КазГУ, 1994. – С.9.
51. Государственный архив Воронежской области, ф. Р-1111, оп.1, д.12, л.44. 18 декабря 1919 г.
52. ГАБО, ф. Р-386, оп.1, д.12, л.51. Март 1919 г.
53. Там же, ф. Р-521, оп.1, д.6, л.79. 2 августа 1920 г.

Summary

This paper presents a new complex approach to the study of people's applications concerning the property confiscation that were submitted to Soviet local bodies. The role of the documents (applications) in comparison with the other personal papers is shown. Describing the structure of a standard application the following elements are marked: 1) the statement of a case, 2) the indication on the circumstances admitting the reviewing of a case, 3) the request's content. In the focus of investigation the problem of the reflection of Being and Consciousness of people in the mentioned structural elements is analyzed. Studying the confiscatory measures perception the author shows the way Russian people understand justice and how their mental features such as endurance and humility are reflected in the documents under study.